

А. П. ЯРКОВ

директор Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета, доктор исторических наук

Ю. А. БОРТНИКОВА

ассистент кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин филиала Тюменского государственного университета в г. Заводоуковске

ГОРОД~ГОРОДОК~ЮРТ: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОСЕДЛЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

По А. Дж. Тойнби цивилизация — это культура, достигшая пределов самоидентификации. Рассматривая процессы на территории Западной Сибири в цивилизационном измерении, можно согласиться с мнением, что на этой территории соприкасались и взаимопроникали две различные цивилизации, обладавшие глубокими историческими корнями: одна — «биогенная», выработавшая основные жизненные, этические, эстетические и другие установки в длительном приспособлении к сложным природно-климатическим условиям; другая — «техногенная», сравнительно молодая, быстро развивавшаяся, создавшая новые орудия труда, инструменты передвижения, способы общения и проникновения в сущность явлений [1]. Признавая историческую незавершенность процессов, происходивших в крае, заметим, что их не следует рассматривать в рамках концепции тюрко-исламской/золотоордынской цивилизации [2], конструируемой рядом ученых с «поволжско-центристских» позиций.

Для Сибири в сравнении с Поволжьем и Крымом характерны следующие факторы:

— мифологическая система, которая вплоть до конца XVIII в. поддерживала четкое представление о том, что это — «край света»,

где в абсолютной изоляции жили полулюди-полузвери, которые не обладали социальной организацией, культурой и чувством истории, а также не склонны ни к европейскому, ни к китайскому, ни к мусульманскому типам цивилизации;

— географическая отдаленность и суровый климат, огромные масштабы и малая заселенность региона, разнообразие исторических судеб, ментальностей и форм хозяйственного уклада населения, а также отсутствие постоянных этнокультурных связей и безопасных торговых путей, что в совокупности не благоприятствовало включению региона в общие процессы миграции, политической консолидации и феодализации, проистекавшие в Золотой Орде;

— династийная система, заимствованная у монголов, которая функционировала не постоянно, а эпизодически, что способствовало укреплению политических, военных, культурных и религиозных связей с другими улусами, где правили Чингизиды, хотя подчас номинально;

— не имелось «трех цивилизационных кругов», издавна включавших азиатскую Сибирь в свою орбиту, наравне с Поволжьем, ибо европейское понимание «цивилизации» не учитывает местной специфики организации и функционирования социума со слабой, но самодостаточной экономикой, властью, которая часто органично объединяла кочевых и оседлых жителей вокруг городков, являвшихся кочевыми ставками правителей — самозванных, назначаемых или избираемых по принципу народного представительства (прообраза демократии, но не его аналога);

— асинхронность с этническими, социальными, политическими и культурными процессами в других, порой весьма отдаленных регионах, где проживало тюркоязычное и мусульманское население, притом, что контакты имели место и до Золотой Орды;

— не «абсолютная» принадлежность к «общетюркской цивилизации», обусловленная тем, что тюркский субстрат в регионе антропологически, этнически, лингвистически и социально «размывался» уграми, монголами, самодийцами и др.;

— ограниченная или полноценная государственность, которая не имела «полноценно-золотоордынских» механизмов управления,

а также военного, дипломатического и финансового обеспечения, но при этом подразумевала наличие полиэтноконфессионального состава населения, поскольку идеолого-правовое обеспечение не допускало подавления инакомыслия и притеснения «язычников».

Отсюда и отсутствие «высокой» городской культуры: сибирские городки на периферии «арабо-исламской цивилизации» не имели и не могли выполнить такую задачу, поскольку поздно и не всегда добровольно обратились к исламу и достижениям «арабского Ренессанса»;

В период Средневековья уже можно говорить о потребности сообщества в объединении вокруг идеи государственности или религиозно-этнической идентичности. Слабо выраженное «государственное мышление» нельзя расценивать как слабость или путь к объединению, настоящей причиной которого является только внешняя угроза. Государство как реальная и обоснованная система возникла именно там, где у множества людей совпали представления о жизненно важном территориальном пространстве, ресурсах и связанных с ними интересах.

Не отрицая значения Золотой Орды в истории России (соответственно, признавая возможность применения выработанных определений к другим регионам России, которые отвечают данным критериям) и ее определенной (но не абсолютной) внутренней целостности, осознаем необходимость конкретизировать подходы к дефиниции и к проблеме. «Золотоордынскую культуру» нельзя признать вершиной достижений тюркско-исламского мира, равно как не может быть правомерным сравнение с «более развитыми и культурными народами». Культура любой социальной, конфессиональной или этнической группы уникальна и самоценна и, соответственно, не может иметь «вершин» и «тупиков» в развитии. Исторически объяснимо лишь расслоение любой культуры на субкультуры. Этот процесс неизбежен, а его интенсивность зависит от локальных особенностей, связанных с природно-климатическими, военно-политическими, социально-экономическими, ментально-психологическими и личностными факторами.

Заметим, что некоторые городки Золотой Орды не имели оборонительных укреплений вплоть до середины XIV в. [3].

Феномен градостроительной культуры тюрко- и угроязычного населения начали изучать относительно недавно [4], однако нельзя утверждать, что до прихода славян в Сибирь местные жители не знали постоянных поселений [5]. Существует множество подходов к вопросу о периодизации общества. Согласно городским летописям, освоение Сибири началось даже не с похода Ермака, а с основания первых русских городов. Но еще Платон в V–VI вв. до н. э. обозначил линейную схему развития города: пастухи→крестьяне→горожане. Исторический материализм в качестве основания для периодизации определял уровень развития производительных сил, хотя подобное деление, по мнению Л. Е. Гринина, учитывало в большей степени производственные отношения и формы собственности на средства производства [6]. Зарубежная теория урбанизма, как и марксистско-ленинская концепция, полагала отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства базисом в возникновении городов, отличавшихся стабильностью, высокой численностью и плотностью населения, жившего по иным нормам и признающего права личности и собственности.

Эти объективные для Западной Европы причины нельзя механически переносить на средневековую Западную Сибирь. Здесь отсутствовало жесткое деление на горожан и селян. «Туралы/туралинцы» [7] занимались сельским хозяйством (в том числе отгонным скотоводством), торговля и ремесло слабы, и купечество как элита, способная к самоорганизации и инновациям, малочисленно. Потребности в изделиях удовлетворялись домашними промыслами, а проблемы нехватки земельных площадей вообще не существовало. В результате системы хозяйствования обеспечивали базовые потребности всех, способствуя формированию социума, решавшего задачи на том или ином этапе развития. Возможно, что, создав оседлое поселение (городок), социум не брал на себя ответственность за функционирование в будущем: линейная система развития давала сбой.

Сомневаемся, что появление городков и становление государственности так называемого раннефеодального типа обязательно должны вызвать соответствующие перемены в идеологической

надстройке общества. Природа и генезис местных поселений весьма отличается от западно-европейских, восточно-славянских и поволжско-тюркских, в основе которых — задачи подчинения пространства, политические и охранительные, а также торговоремесленные функции. Замысел создания подобных центров возникал в определенной социальной и демографической ситуации, когда организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без каких-либо координирующих центров становилась невозможной [8]. Эти обстоятельства отражены в мифологических представлениях сибиряков о *первородной почве* и точно соотносятся с синергетической моделью понимания исторических процессов.

Опроверяем суждение, что «урбанизация Сибири... начинается с нуля», которое исходит из положения, что до прихода русских Сибирь не знала таких форм поселений, как города [9; 10]. В подтверждение иного приведем свидетельство Тамими ибн Бахра ал-Муттаваи, который еще в конце VIII в. или начале IX в. видел «следы древнего города» на Юго-Западном Алтае и передал сведения о «городе царя кимаков» в верховьях Иртыша: «...*город большой, укрепленный, а вокруг него хорошо возделываема земля и деревни. Город имеет двенадцать железных ворот огромных размеров. В городе много жителей, теснота, много базаров и товаров...*» [11].

Поселение «Сибирь» упоминается уже в «Сокровенном сказании монголов» 1240 г. [12], однако без определенной локализации, и, возможно, обозначает в целом территорию. Можно предположить, что средневековые авторы могли применять это название к разным территориям, что связано с реалиями миграционных процессов. Однако «Сибирь и Ибирь», несомненно, располагалась в междуречье Иртыша и Тобола [13], и оседлые жители в пространственном, как и в культурном смысле, были открыты влияниям и заимствованиям.

Процессы урбанизации, начавшись в середине XIV в. в улусах бывшей Монгольской империи, оказались прерванными в ходе восстания против монголов в Китае, эпидемии чумы и Великой замятни в Золотой Орде. Именно в тех исторических коллизиях стоит искать

причины прекращения функционирования Великого шелкового пути. Это привело к угасанию бытовавшей вокруг него оседлой культуры, став и препятствием в распространении мировых религий. Соответственно, ислам не мог стать ни стимулирующим фактором урбанизации, ни гарантией продолжения городской жизни.

В сочинении XIV в. «О человецех незнаемых на Восточной Стране и языцех разных», названном Д. Н. Анучиным «кратким путеводителем» [14], упомянут Великий торговый город. Л. Р. Кызласов предположил его существование на Саяно-Алтайском нагорье [15]. А вот мнение Н.-К. Витзена, основанное на обобщении различных сведений: «... в Сибири в некоторых местах можно увидеть пришедшие в упадок старые стены и развалины бывших там, по-видимому, городов... в более древнее время страну эту населяли народы более высокого развития, нежели ныне, потому что теперь подобных построек там вовсе не знают». По тем же сведениям, полученным Витзеном от русских сибиряков, «народы, когда-то соорудившие эти города и постройки, совсем выселились оттуда по направлению к юго-востоку» [16]. О том же сказал С. У. Ремезов в «Чертежной книге Сибири».

Рассматривая этимологию тора/тура, обратим внимание, что *тура* не только поселение, но и *срубленный/рубленный дом*, тогда как для каменного дома существовало иное понятие — *тас тур*. По мнению Х. Ч. Алишиной, это устаревшее слово означало «языческое мольбище», место жертвоприношений и поклонения «идолам» [17], т. е. обладало сакральным значением. Возможно, подобные места привлекательны для мифотворчества, становясь центрами концентрации сезонных поселений кочевников. Разумеется, особое значение имели поселения рудокопов и ремесленников на Алтае, однако они немногочисленны и локализованы возле рудников, определяя их особенности и мифотворческий потенциал [18]. Необходимо упомянуть о феномене юрт Карагайских и аула Сала на Среднем Иртыше, описанном в средневековых рукописях, позднее неоднократно переписанных и дополненных. Те поселения если и не стали оплотом суфизма, то однозначно являлись «центром мусульманского района», «резиденцией» сибирско-татарских и/или сибирско-бухарских ходжей и шейхов, на протяжении долгого времени связанных с конгрегацией Накшбандийа.

Переход к оседлости — дело длительного времени. Шатрово-войлочные городки, появившиеся в качестве племенных центров, находились в центре притяжения мигрирующего населения — по ландшафтным и географическим (рельеф, пересечение водных и сухопутных трасс) или сакрально-культовым особенностям. Они выполняли структурообразующие и структуроорганизующие функции: управленческую, охранительную, реже — экономическую, обеспечивая выделение непроизводственных специализаций, и чаще — психологическую и идеологическую, скрепляя различные формы отношений между дальнеродственными племенами. Основываясь на «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, можно утверждать, что «отношениями противопоставления» в XVIII в. связаны номинативные единицы *город* как обозначение *русского поселения* и *городок* — аборигенов и коренного населения, и не только «тюрко-монгольских народов» [19].

В кочевом мире сезонный или периодический перенос ставки правителя под одним и тем же названием (Орда, Сибирь) на десятки, сотни, а то и тысячи километров не связан с представлениями о конкретной территории. Большое значение имел образ правителя, который «по справедливости» регулировал отношения между подданными, гарантировал мир с соседями и т. д. Этим объясняется наличие имени правителя, чья деятельность осенена именем Аллаха, в легендах и сказаниях, даньга и много реже пулах, при крайне «зыбких» указаниях на адрес ставки. В равной степени это применимо к истории Тары/Туры, где Абу-л-Хайр «за благожелательность» при завоевании удостоил назначением на должность даруга вилайета нескольких сподвижников [20].

Легендирование оседлых поселений — свидетельство имущественного и социального расслоения, а также признания иного уровня общественного развития, ибо из объекта, несущего сугубо защитные функции, городки превращались в политико-административные, хозяйственно-торговые и культурно-религиозные центры. Эти функции свойственны крупным поселениям периода Средних веков, однако сочетание всех признаков не обязательно. Внешние признаки городка включали: наличие рва, каменных или земляных стен/валов (или частокола из бревен); выделенных пространственно двора

феодала и мест расселения ремесленников; торгового и культового центров; административно-управленческих и культовых сооружений, хотя и не сводились исключительно к этим характеристикам. В любом случае размеры невелики — от 500 до 7000 м², но эти показатели не определяющие для их политической роли. В городках, по видимому, базировались ставки местных вождей, с приближенными чиновниками, слугами и войском, на которых держалась власть. Параметры, определявшие статус городков в Сибири, не совпадали с характеристиками европейских, арабских, среднеазиатских и поволжских городов. При этом уровень урбанизации во многом определялся централизацией власти. Характер деятельности местных «горожан» не совпадает и с формулировкой «стартовых условий» в кочевом мире, предложенной С. А. Плетневой: «...только на высшей стадии их экономического и социального развития — на третьей стадии (полуоседлости)» [21].

Насельники, в основном занимавшиеся собирательством (показательно, что у сибирских татар до сих пор существует убеждение относительно собранных на общих угодьях и оставленных дикоросах: «что не твое, кем другим собрано, то сроду его никто не возьмет»). Кто в лесу избушку срубил — «тому она и принадлежит, но зайти в нее каждый может»), охотой и рыболовством, лишь в период XV–XVI вв. активно осваивали навыки земледелия, в результате чего происходил синтез присваивающего и производящего хозяйства. При этом очевидно, что для элиты «оседлость» — сезонное состояние, а преимущественным оставался именно кочевой образ жизни [22]. Следует учесть, что предпосылки урбанизации отчасти можно усмотреть в типах городков и городищ угорских групп, позднее вошедших в состав сибирских татар.

Некоторые укрепленные поселения домонгольского времени (к примеру, бакальской и юдинской археологических культур), несомненно, использовались в качестве административных, оборонительных и ремесленных центров [23; 24] и в более позднее время.

У барабинцев, по свидетельству И. Г. Георги, издавна существовали «молебные храмины» [25], а также «зимние деревни и летние юрты»,

хотя они и предполагали иную, нежели у оседлых жителей, систему организации жизненного пространства. Сопоставляя поселения угров и татар, С. К. Патканов заметил: «Если обширные городки татар, хорошо укрепленные и снабженные удобными подъемами, и могли служить убежищем для довольно значительного числа людей, то небольшие и слабо защищенные укрепления остяков могли вместить небольшое число жилищ» [26]. Тюркский же традиционный номен *юрты* распространен по Прииртышью вплоть до Обской губы [27].

Следует отметить значимость городков (*юрт, тура/тора/тара, кала*) как сложных социальных организмов, которые отвечали потребностям общества в самоорганизации и имели различную типологию и локальные модификации, согласно естественно-географическим особенностям.

Кроме Искера и Чимги-Туры в летописях указано более 15 городков. Они располагались при устьях рек, впадающих в Иртыш и Тобол: Кызыл-Тура — при впадении Ишима в Иртыш, Княжев городок на Иртыше, Тон-Тура на р. Оми, «заставный Кучумов городок» выше устья Тавды, городок Бегиша на Иртыше, Агитский городок — на Вагае. Кроме того, летописи называют Явлу-Тура, Тархан-кала, Бицик-Тура, Карачин городок, происхождение которых «теряется в веках», а Г. Ф. Миллер полагал, что они служили убежищами для жен и детей знати [28]. Важно принимать во внимание, что между размерами сибирских поселений и развитием самосознания «горожан» нет прямой связи. Более того, Г. Ф. Миллер замечал: деление сибиряков на кочевых и оседлых условно [29]. В связи с этим отметим невозможность использования определения «городской» для характеристики быта сибиряков периода Средневековья и даже после присоединения к России: *«В доиндустриальных обществах быт и производство нераздельно связаны друг с другом, для описания жизнедеятельности людей в таких обществах правомерно использовать более широкую категорию — «уклад жизни». Одним из основных отличий городского быта от жизни людей в традиционно-аграрном обществе является четкое разделение в пространстве и времени производственной и внепроизводственной сфер»* [30].

В силу специфического уклада хозяйства в период Средневековья подобного разделения нет и не могло быть. Кроме того, перенесение европейских понятий *город* и *городской быт* на сибирское «поле» выводит за рамки исследования население Ялutorовска, Тары, Кузнецка даже в XIX в.

Среди тюрков бытовало расширенное понятие *Иске юрт* (сиб.-татар.), означая *старый народ/улус*, а также *часть деревни* и *первородная почва*. Лексема *юрт*, соответственно, может трактоваться и как постоянное, и как мобильное поселение, что отражает нестабильность системы расселения и сакрализации *родного* пространства. Во многом это объясняется тем, что земля не имела для кочевника-скотовода и промысловика того сакрального значения, каким обладала для земледельца. Лишь по мере оседания, которое происходило достаточно поздно по сравнению с Поволжьем и Бухарой, земля и поселения на ней обретали иное прагматическое и мифологическое содержание, иногда заимствованное и труднообъяснимое.

Условия возникновения поселений на Руси, в Западной Сибири или Центральной Азии имели различную историю: для одних характерно наличие более развитого ядра (центра) и тесно связанной с ним периферии, которая выполняла защитную функцию; другим присуща иерархическая система оседлых поселений как главных центров сбора податей, а третьим — инновационная для своего времени структура, но, без сомнения, все эти типологически различные формы имеют отношение к мировой культуре как равноценные.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рянская Э. М., Рянский Ф. Н. Этнокультурное взаимодействие в Среднеобском регионе // *Aus Sibirien: науч.-информ. сб.* Тюмень, 2008. С. 153.
2. Стеногр. отчет круглого стола, посвященного проблеме цивилизационного подхода к изучению Золотой Орды // *Золотоордынская цивилизация*. Вып. 1. Казань, 2008. С. 154–173.
3. Кульпин Э. С. *Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Уде, 2004. С. 167–186.
4. Ажигали С. Е., Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Поселенческие комплексы казахов Западной Сибири как объект археолого-этнографических ис-

- следований // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 75–77.
5. Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI–первой половины XVIII в. Новосибирск, 1982. С. 96.
  6. Гринин Л. Е. Периодизация исторического процесса: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1996. С. 7.
  7. Катанов Н. Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобол. губ. музея. Вып. 5. 1895–1896. С. 9–10.
  8. Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск, 2008. С. 49.
  9. Жерносенко И. А. Тюркское средневековье // Лекции по истории культуры Алтая. Барнаул, 2004. С. 29.
  10. Резун Д. Я. Урбанизация и история Сибири конца XVI–XVIII в. // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии, философии. Вып. 3. Новосибирск, 1983. С. 44.
  11. Кызласов Л. Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М., 2006. С. 30.
  12. Левашова В. П. О городищах Сибирского юрта // СА. Т. XIII. М.; Л., 1950. С. 342, 344–348, 349.
  13. Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Приоболья в средние века. Курган, 2008. С. 30–32.
  14. Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности: тр. Моск. археол. о-ва. Т. 14. М., 1890. С. 243–245.
  15. Кызласов Л. Р. Указ. соч. С. 41.
  16. Витзен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665: дневник. СПб., 1996. С. 109.
  17. Алишина Х. Ч. Тюмень — столица деревень // Филологический дискурс. Вып. 2. Тюмень, 2001. С. 85.
  18. Усков И. Ю. О времени поставления Верхнетомского острога // Исторический ежегодник. 2008. Новосибирск, 2008. С. 227.
  19. Рахимбакиев С. З. Наименование территориально-административных единиц и различных поселений человека в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера // Сулеймановские чтения: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тобольск, 2009. С. 127.
  20. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв.: (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 96.
  21. Плетнева С. А. Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 205.

22. Тычинских З. А. О хозяйственном укладе тюркского населения Сибирского ханства // История, экономика и культуры средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Междунар. конф. Курган, 2011. С. 29–33.
23. Белич И. В. Цымги-Тура. К вопросу о происхождении и значении раннего имени г. Тюмень // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 20–28.
24. Маслоуженко Д. Н. Указ. соч. С. 25–32.
25. Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: в 4 ч. Ч. 2. СПб., 1776. С. 114.
26. Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1891. С. 101.
27. Тимиров Р. Р. Тюркская топонимия Ингальской долины: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. С. 64.
28. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937. С. 196–197.
29. Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 128.
30. ИЭС: в 3 т. Т. 1. Новосибирск, 2009. С. 282.

Т. Н. КОНДРАТЬЕВА

доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

БОРИС ПОРШНЕВ: СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИКА

Приобщение советского франковеда Бориса Федоровича Поршнева (1905–1972) к историческому ремеслу происходило в 1920-е гг. Среднее образование Б. Ф. Поршневу получил в Петрограде, где в 1921 г. окончил Выборгское училище [1]. В 1922 г. он становится студентом 1-го Петроградского государственного университета по общественно-педагогическому отделе-